

«БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКАЯ» ПАРОДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Е. АРДОВА

Жанр пародии в русской литературе имеет богатую и продолжительную историю. Исследователи находят его зачатки в литературе XVII века (бурсацкая *parodia sacra*, демократические сатиры «Шемякин Суд», Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове»). В следующее столетие русская пародия заявляет о себе в полной мере – в творчестве М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, И.С. Баркова, а подлинного расцвета достигает в XIX веке – именами наиболее выдающихся поэтов и писателей (А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, И.И. Панаев, Козьма Прутков, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский) круг ее авторов не ограничивается. Именно тогда пародия перестает быть «внутрилитературным явлением», отражает уже не только литературную борьбу, «переживает период социально-политической утилизации» [5, с. 12], т.е. становится средством выражения авторского взгляда на ту или иную общественную проблему. Поэты «серебряного века» (И.Ф. Анненский, З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсов, А.А. Блок, А. Белый) возвращают пародию в сферу эстетических интересов.

Как известно, в русской литературе метрополии первого послереволюционного десятилетия особо интенсивно развивается сатирико-юмористическая проза и поэзия, что можно объяснить изменениями в общественно-политической и экономической жизни страны, необходимостью, насколько позволяла ситуация относительной свободы, объективного изучения настоящего. Одним из наиболее популярных жанров, образцы которого широко публикуются в газетно-журнальной прессе 1920-х, становится пародия. Выходит в свет сборник «Парнас дыбом» (1925-1927) – собрание юмористических пародий и комических стилизаций как поэтов-классиков, так и современников, появляются пародийные тексты А.Г. Архангельского, А.М. Арго, В.Е. Ардова, обэриутов Д.И. Хармса, Н.М. Олейникова [4], [10].

До сих пор многогранная литературная деятельность Ардова не становилось предметом серьезного изучения. Этому, безусловно, есть объяснение. Борис Ефимов, лично знавший юмориста, так характеризует его творчество: «...художественный уровень произведений Ардова был не слишком высок, ему ...не хватало тонкости и глубины сатиры Михаила Зощенко, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Михаила Кольцова, Валентина Катаева, но бесспорно и то, что он значился в плеяде наиболее популярных мастеров сатирического жанра той поры» [3]. Не отрицая мнения о том, что Виктор Ардов является фигурой второго ряда, для создания более целостного представления о сатире и юморе советского периода, считаем необходимым обращение к анализу текстов писателя, в частности – его пародий. Цель данной

статьи – исследовать особенности пародий В.Е. Ардова на произведения беллетристических жанров.

Виктор Ардов, начав свою деятельность в 1920-е годы как комедиограф и фельетонист, вскоре регулярно обращается к жанру пародии – в его сборниках 1930-70-х годов пародии оформляются в постоянные разделы. Как раз в 20-е годы впервые в литературоведении представителями формальной школы был поставлен вопрос о пародии как отдельном жанре: в статьях Ю.Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), «О пародии» (1929), в книге Б.В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» (1925). Существенную роль в развитии теории жанра сыграла работа специалиста по семантике литературных и культурных мотивов О.М. Фрейденберг «Происхождение пародии» (1925). Все исследователи указывают на существование «второго плана», проявляющегося на разных текстуальных уровнях пародии. По мнению Б.В. Томашевского, автор пародии, сохраняя форму оригинала, вкладывает в нее новое, контрастирующее с ней содержание, что по-новому освещает пародируемое произведение: «пародичность достигается несоответствием стиля и тематического материала речи» [7, с. 49]. Ученый называет главной функцией пародии «осмеяние противоположной литературной школы, разрушение ее творческой системы» [7, с. 205], хотя и признает, что пародия может не преследовать сатирических целей, может развиваться как «свободное искусство обнаженного приема» [7, с. 206]. О.М. Фрейденберг полемизирует с устоявшимися определениями пародии («подражание, при котором величественная форма наполняется ничтожным содержанием», «имитация возвышенного посредством жалкого, несоответствие содержания и формы, передразнивание, перевод с трагического на комическое» [9, с. 490]), утверждает, что природу всякой пародии составляет «идея удвоения, т.е. введения второго аспекта» и «единство двух основ, трагической и комической», их «внутренняя тождественность» [9, с. 495-496]. Ю.Н. Тынянов ввел в обиход категории «объекта» и «второго плана», в дальнейшем используемые учеными при анализе пародийных текстов [8]. Современный литературовед В.И. Новиков в монографии «Книга о пародии» (1989) дополняет тыняновскую концепцию понятием «третьего плана»: «...соотношение первого и второго плана как целого с целым. ...мера того неповторимого смысла, который передается только пародией. ...сопоставление в сознании первого и второго планов» [6, с. 13]. Данные термины важны для понимания сути пародийного жанра.

Объектом литературных пародий Виктора Ардова, как правило, становятся произведения определенных жанров. Автор никогда не указывает, какой текст какого автора подвергается пародийному осмыслению. Правильность определения объектов, равно как и глубина понимания пародийной направленности (второй план), целиком зависит «от степени эрудиции и уровня иронико-юмористической интуиции» [6, с. 11] читателей. Также, нужно учитывать время создания пародии, общие тенденции, бытовавшие в тот период в данном жанре. Ярким образцом подобного подхода

может служить известная пародия «Исторические романы» (1939). В 30-е годы историческая романистика становится одним из ведущих жанров художественной литературы. В это время даже проводятся дискуссии по поводу данного жанра (на страницах журналов «Октябрь», «Литературная критика», «Литературная учеба»), которые были сведены к требованию «объективного отражения эпох» – «под объективностью понимался народный взгляд на историю» [4, с. 316]. Неудивительно, что Ардов счел нужным коснуться вопроса, обратившись к пародийной форме. Утверждая, что исторические романы теперь пишут в трех «манерах»: «1) почвенной, 2) стилистической и 3) халтурной» [2, с. 279], сатирик приводит тексты, которые могли бы создать выразители этих тенденций, избрав при этом в качестве общего сюжета факт убийства Иваном Грозным своего сына.

Первая категория писателей – так называемые «почвенники» («они же — кондовые, подоплечные, избыные, нутряные и проч.» [2, с. 279]) широко используют архаизмы, просторечие и диалектную лексику – так они стремятся передать колорит изображаемой эпохи. «...их произведения не могут быть переведены ни на один язык мира – до того все это местно, туземно, подоплечно, нутряно, провинциально, диалектно» [2, с. 280], – комментирует эту особенность Ардов и иллюстрирует ее текстом. Объектом пародии могло быть творчество «прозаиков-орнаменталистов», в частности А.П. Чапыгина, чьи романы «Разин Степан» (1927) и «Гулящие люди» (1937) сочетали в себе устаревшие, «мужицкие», речевые формы и авангардный синтаксис (инверсии, эмоциональная интонация) [4] – последнее также отражено в ардовской пародии.

Объект иронического изображения в следующем пародийном эпизоде – писатели, стремящиеся запечатлеть прошлое посредством разнообразных стилистических изысков. Среди «эстетов» 1930-х годов, немногочисленных, ввиду всеобщей стандартизации литературного процесса, стоит назвать Г.П. Шторма с его «Повестью о Болотникове» (1930) и очерком «На поле Куликовом» (1937), Ю.Н. Тынянова с историческими повестями «Восковая персона» (1931) и «Малолетний Витушишников» (1933), В.Б. Шкловского с «Повестью о художнике Федотове» (1935) и историко-биографическим повествованием «Марко Поло разведчик» (1936). В их произведениях проявляется отчетливый интерес к поэтике модернизма и авангарда: нелинейной композиции, ассоциативности стиля, фонетической игре, широкому использованию тропов [4]. Фраза, открывающая «историческую» зарисовку, которую мог бы создать «стилист», задает тон всему повествованию: «Авторы-стилисты всех исторических лиц списывают с собственной прохладной персоны» [2, с. 280]. Иван Грозный изображен как человек, отягощенный скукой («Рынды и стольники вскакивали при приближении. Забавляло это, но чего-то хотелось иного, терпкого. Зашел в Грановитую палату. Посидел на троне. ...С трона слез. Вдохнул» и т.п. [2, с. 281]), желание остроты ощущений и толкает его на убийство. Модернистская стилизация в этом «историческом

романе» проявляется в отстраненном тоне, соотнесении сна и реальности (известное стремление модернистов к изучению «бессознательного» в человеке) и фрагментарной структуре.

Третьим пародийным текстом своего микроцикла Виктор Ардов подвергает критике явление халтуры в литературе вообще, не только в указанном жанре. Сатирик не может смириться с расцветом бездарности и отсутствием элементарного художественного вкуса в писательской среде. Книги таких «творцов» отличает, как едко замечает пародист, «прекрасное знание материала и красота литературного изложения» [2, с. 281]. Образчик подобного «прекрасного знания» и «красоты изложения» демонстрирует уже первый абзац пародии: «Царь Иван Васильевич выпил полный кафтан пенистого каравая, который ему привез один посол, который хотел получить товар, который царь продавал всегда сам во дворце, который стоял в Кремле, который уже тогда помещался там, на месте, на котором он стоит теперь» [2, с. 282]. Подчеркнем: если первые два фрагмента ардовских «Исторических романов» носят юмористический характер, то данный – отличает ясно выраженная сатирическая интонация.

В сборнике Ардова «С подлинным верно» (1961) один из разделов, озаглавленный «Пиши сам!», представляет собой цикл пародий на жанры двух категорий: приключенческой литературы и литературной критики. Диапазон первой очень широк: здесь и детективная, и фантастическая, и шпионская, и собственно приключенческая (посвященная описаниям путешествий героев) проза. Причем, определения жанров, в большинстве случаев, авторские – иронического или откровенно саркастического характера: «Суперфантастика», «Шпиономахия и шпиономания», «Путешествие экзотическое», «Путешествие обыденное», «Приключение пополам с наукой», «Научно-дефективный роман». Тот же принцип соблюдается и в жанровых обозначениях «критики литературной»: «Рецензия лирическая (без изложения сюжета)», «Рецензия эпическая (с изложением сюжета)», «Рецензия полемическая». Предупреждая пародийный образец каждого жанра рекомендациями для начинающих авторов, Ардов фактически указывает на то, как писать не следует.

В качестве примера процитируем ардовские советы по созданию путевых заметок. Основными признаками «литературы очерково-туристической обыкновенной» юморист объявляет: «а) повышенная любознательность и малая осведомленность автора; б) чисто потребительское отношение ко всему тому, что автор очерка видит или что его интересует. Но в заключение очеркист непременно прибегает к поспешным выводам социального характера, чтобы как-то уравновесить свои восторги по поводу зарубежного меню и ширпотреба» [1, с. 346]. В последней фразе звучит ирония по отношению к писателям, стремящимся подчеркнуть недостатки Запада – как дань «политическому моменту». А вот что рекомендует Ардов авторам «экзотических очерков»: «При описании путешествии в экзотические страны необходимы приключения, ибо без таковых экзотика вянет. В странах отдаленных существенна также местная

терминология. Надлежит переводить на русский язык далеко не все термины и слова, принятые у туземцев. Наоборот, частое употребление в повести или рассказе туземных слов, так сказать, в подлиннике придает дополнительные интерес и достоверность тем похождениям» [1, с. 348]. Делая акцент на лексических особенностях жанра, сатирик высмеивает искусственно усложненный язык подобных опусов.

Интерес Ардова-пародиста к жанрам массовой литературы вполне закономерен. Он связан с общим снижением уровня беллетристики и соответственно читательских вкусов. В частности, во фрагменте «Тайна Сеттера-Лаверака», имеющим подзаголовок «научно-дефективный роман», сатирик выражает явный скепсис по отношению к современным фантастам. Его сюжет является пародийной проекцией знаменитого романа «Голова профессора Доуэля» (1937) – так писатель будто говорит: нынешним авторам далеко до уровня таких мастеров научно-фантастического жанра, как А.Р. Беляев или В.А. Обручев. В других пародиях цикла высмеивается чрезмерная политизация приключенческой литературы. Такова общая установка в советском искусстве, и авторам авантюрной прозы не удастся ее избежать. Характеристика, предложенная авторами учебного пособия «История русской литературы XX века (20 – 50-е годы)» (2006) в отношении фантастической литературы 1940-50-х годов, применима ко всей советской беллетристике: «...эти произведения, сохраняя связи с научной фантастикой и имея интригующий сюжет, слишком очевидно приобрели форму социального памфлета, обличающего капитализм, международных авантюристов, шпионов» [4, с. 145].

В целом, своеобразие «беллетристических» пародий В.Е. Ардова заключается в критическом переосмыслении жанровых схем советской литературы, соединении добродушного юмора с едкой сатирой. Писатель использует средства пародийной стилизации, вводя в свои тексты лексику, образные средства и синтаксические конструкции, призванные подсказать читателю «второй план» пародии.

Подводя итог, приведем высказывание Л.Г. Фризмана о сущности и назначении пародийного жанра: «Пародия по-своему помогала литературе меняться, развиваться, двигаться вперед и, смеясь, прощаться с прошлым. Отсюда устремленность пародистов всех времен избирать мишенью своего остроумия отжившее, дискредитировать ложные авторитеты, указывать читателю на не замеченные им слабости незаслуженно прославленных произведений» [10, с. 8]. Виктор Ардов, пародируя произведения различных жанров, надеялся на возвращение писателей к настоящему творчеству, источником которого являлось бы вдохновение, а не прагматические соображения и конъюнктура. Диапазон пародийных текстов у Ардова не ограничивается ироническими интерпретациями современной ему беллетристики. Изучение своеобразия его пародий на драматические жанры, а также – жанры ораторского искусства и литературоведческой критики,

составляет перспективу разработки темы.

Литература

1. Ардов В. С подлинным верно / В. Ардов. – М.: Советский писатель, 1961. – 402 с.
2. Ардов В. Цветочки, ягодки и пр. / В. Ардов. – М.: Советский писатель, 1976. – 511 с.
3. Ефимов Б. Он оставил по себе добрую память [Электронный ресурс] / Б. Ефимов. // Лехаим. – 2000. – № 6 (98). – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/254/254.html>.
4. История русской литературы XX века (20 – 50-е годы): Литературный процесс / Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – 776 с.
5. Кушлина О.Б. Наследники Гиппонакта / О.Б. Кушлина // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 5-20.
6. Новиков Вл.И. Книга о пародии / Вл.И. Новиков. – М.: Советский писатель, 1989. – 544 с.
7. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тмарченко / Б.В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
8. Тынянов Ю.Н. О пародии / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Издательство «Наука», 1977. – С. 284-309.
9. Фрейденберг О.М. Происхождение пародии / О.М. Фрейденберг // Труды по знаковым системам. – Вып. 6. – Тарту, 1973. – С. 490-497.
10. Фризман Л.Г. Второе рождение / Л.Г. Фризман // Паперная Э.С., Розенберг А.Г., Финкель А.М. Парнас дыбом: Литературные пародии. – М.: Худож. лит., 1990. – С.5-12.

Анотація

У статті розглядається своєрідність пародій В.Ю. Ардова на жанри белетристики. Спираючись на деякі положення теорії пародії, автор розглядає пародійні цикли Ардова «Історичні романи» та «Пиши сам!». У ході аналізу висвітлюються загальні тенденції розвитку радянської прози 1930-50-х років окремих жанрів. Письменник критично переосмислює жанрові схеми, поєднує доброзичливий гумор з уїдливою сатирою, використовує засоби пародійної стилізації.

Ключові слова: пародія, об'єкт, другий план, белетристика, історичний роман, гумор, сатира.

Аннотация

В статье рассматривается своеобразие пародий В.Е. Ардова на жанры беллетристики. Опираясь на некоторые положения теории пародии, автор рассматривает пародийные циклы Ардова «Исторические романы» и «Пиши сам!». В ходе анализа освещаются общие тенденции развития советской прозы

1930-50-х годов отдельных жанров. Писатель критически переосмысливает жанровые схемы, соединяет добродушный юмор с едкой сатирой, использует средства пародийной стилизации.

Ключевые слова: пародия, объект, второй план, беллетристика, исторический роман, юмор, сатира.

Summary

The article highlights the peculiarities of V.E. Ardov's parodies of belletristic genres. Using some issues of parody theory, the author studies Ardov's parody cycles «Historical Novels» and «Write for Yourself!». In the course of analysis the general tendencies of soviet prose of 1930-50-th in concrete genres are described. The writer critically interprets the genre canons, connects good-natured humour and cutting satire, uses means of parody stylization.

Key-words: parody, object, second foreground, belles letters, historical novel, humour, satire.